

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94"1914/18"+323.1(=161.1)

**ВРАГ ВНЕШНИЙ – ВРАГ ВНУТРЕННИЙ:
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ***А.В. Глушков*ООО "Промедиа", 614010, г. Пермь, ул. Куйбышева 93А, 71
alexhistd2@yandex.ru

Рецензируется перевод на русский язык книги американского историка Э. Лора «Русский национализм и российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. (перевод с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2012)

Ключевые слова: национализм, германофобия, Первая мировая война.

Традиционно научные изыскания в области истории русского национализма связываются с рассмотрением событий накануне Первой мировой войны¹. Книга американского исследователя Эрика Лора стала первым обобщающим трудом по истории русского национализма, созданным на материале военного времени. Как считает Лор, участие России в Первой мировой войне привело к мощному всплеску русского национализма, способствовало обострению межнациональных отношений в империи и в конечном счете ее распаду. Основой националистического кредо выступала идея «инородческого засилья» в политической и экономической жизни России, борьба с которым понималась как важнейшая задача внутренней политики. Лор показывает, что националистические организации и армия оказывали мощное давление на правительство с целью побудить его начать кампанию против «враждебных» народов (с. 42). В книге подробно проанализированы репрессии против этнических немцев, евреев и других народностей, начавшиеся с первого года войны.

Эти меры опирались на идею «воюющей нации», сформулированную французскими революционерами в конце XVIII в. Ее суть состояла в том, что во время войны все гражданское население страны должно бороться с внешним врагом, защищая национальные ценности. Первым объектом репрессий в период Первой мировой войны стало немецкое меньшинство; в дальнейшем репрессии распространились на другие этнические группы. Представители проживающих на территории России национальных меньшинств стали восприниматься как потенциальные шпионы, для борьбы с которыми допускались такие меры, как выселение из мест постоянного проживания, конфискация земельной собственности, ликвидация частных торговых и промышленных предприятий.

Автор показывает, что русский национализм имел гораздо большее значение в последние годы существования Российской империи, чем было принято считать ранее. С началом войны широкое распространение получил призыв забыть социальные различия и объединиться для борьбы с внешним врагом. Этот призыв, как считает Лор, «стал ярким символом и исходной точкой для российского дискурса, разворачивавшегося на протяжении всей войны, чем-то напоминая состояние гражданского мира (Burgfrieden) в Германии и священного единства (Union Sacrée) во Франции» (с. 23).

Ненависть к немцам, выразившаяся в разгроме немецкого посольства и магазинов с немецкими вывесками, являлась специфическим проявлением патриотического подъема. Командование армии не препятствовало участию солдат в погромах, грабежах и других насильственных действиях против немцев. Власть прекрасно понимала, что раздувание межнациональных противоречий могло привести к быстрому выходу ситуации из-под контроля, обострению межнациональных отношений империи, однако продолжала провоцировать погромные настроения (с. 42). Так, московской градоначальник Адрианов в мае 1915 г. запретил своим служащим применять оружие по отношению к «патриотически настроенной» толпе, громившей магазины с иностранными вывесками. «Беспорядки привели не только к серьезным материальным потерям, но и к идеологическим проблемам и стали значимым символом и явным источником разногласий в политическом дискурсе» (с. 49).

В условиях войны изменились объекты ненависти русских националистов. Если до войны свою важнейшую задачу они видели в борьбе с еврейским и польским засильем, то с началом войны антиеврейскую и антипольскую риторику сменила риторика антинемецкая. Борьба с немецким засильем превратилась в главную сферу борьбы с иностранным и инородческим засильем в целом. Правые и националисты предъявили правительству общее требование очистить Россию от иностранных влияний (с. 37).

По мнению Лора, шовинистическая кампания подрывала основы частной собственности, правопорядка, способствовали обострению социально напряженности (с. 67). Жесткие правительственные меры были особенно болезненными для промышленности, так как именно германский капитал играл важнейшую роль в российской индустриализации и модернизации экономики в целом (с. 74). Совет министров, понимая всю опасность массовой антинемецкой кампании, продолжал действовать весьма радикально (с. 80). Поскольку «диаспоры вражеских и враждебных подданных в целом были более успешными в торговле, специализированной профессиональной деятельности или сельском хозяйстве, чем русские», русские националисты изображали этническое большинство несправедливо ущемленным инородцами (с. 193).

В рамках борьбы с «враждебными элементами» осуществлялась конфискация земли. Действующее законодательство запрещало владение некоторыми категориями недвижимости не только немцам, но и евреям и полякам – подданным России. К концу 1916 г. подданные воевавших с Россией государств были практически полностью вытеснены из аграрного сектора (с. 124). Принудительная конфискация земель немецких колонистов на обширной территории империи привела к обнищанию многих из них, вынужденных за бесценок продать свою землю Крестьянскому банку.

Э. Лор считает, что группу «экспроприированных враждебных подданных» можно рассматривать как особую категорию населения, возникшую в условиях войны. Появление группы населения с соответствующим клеймом и набором законодательных ограничений дало начало использованию выражения «бывшие люди» наподобие более позднего понятия «лишенец» (с. 132). К сожалению, автор не стал развивать эту мысль.

Насильственное переселение подданных враждебных государств стало, как утверждается в монографии, едва ли не самым драматичным эпизодом в становлении «национализирующегося государства» (с. 144). Общее число выселенных немцев во время войны составило около 300 тыс. человек. Евреев было выселено, по разным данным, от 500 тыс. до миллиона. Эти меры имели особое значение в силу многочисленности и особого значения этих этнических групп для российского предпринимательства. Национализируя собственность репрессированных, власти увеличивали объем государственного сектора в экономике, фактически предвосхищая большевистские меры эпохи военного коммунизма.

За два первых года войны Россия далеко прошла по пути разработки нового подхода к национальному вопросу (с. 162). Практика высылки, начинавшаяся с заботы о государственной безопасности, вскоре превратилась в практику колонизации и передачи отдельных районов империи в руки привилегированного русского большинства (с. 177).

Выбор внутренних врагов, за исключением евреев, не был предопределен довоенными схемами. В качестве примера Э. Лор приводит болгар в центральной России, которые подверглись репрессиям из-за вступления Болгарии в войну на стороне Германии, и мусульман Карской и Батумской областей, которые также попали под маховик репрессий.

По мнению автора, этнические репрессии военного времени сыграли крайне негативную роль, обострив экономические проблемы и социальную напряженность и в конечном счете внося заметную лепту в крушение «старого порядка» и приближение революции. Вместо того чтобы усилить поддержку власти со стороны этноконфессионального большинства, националистическая кампания привела к совершенно неожиданному, но вполне закономерному результату – национальной консолидации репрессированных национальностей. Одновременно радикальные меры правительства толкали их представителей в объятия революционных партий.

Анализируя изменения в государственной национальной политике с начала Первой мировой войны, автор приходит к выводу, что попытка обеспечить себе массовую народную поддержку за счет шовинистической кампании «безнадежно провалилась» (с. 195). Главную причину этого Э. Лор видит в нежелании правительства и Ставки развернуть полномасштабную кампанию против прибалтийских немцев, владевших огромными родовыми поместьями, имевших высокий социаль-

ный статус и значительное влияние в придворных и военных кругах. Непоследовательность правительства, превратившего немецких крестьян-колонистов в главную жертву кампании против «немецкого засилья», способствовала переходу либеральных политиков вроде П.Н. Милюкова от «патриотической поддержки правительства к патриотической оппозиции» (курсив мой. – А.Г.; с. 197).

Книга Лора стала одним из самых заметных исследований по российской истории периода Первой мировой войны за последние годы. Тем не менее работа не свободна от недостатков. Важнейшим из них является то, что, сосредоточившись на идеологических установках и практиках бюрократических инстанций, автор не уделил достаточно внимания националистическим общественным организациям, думским националистам, националистической прессе. Трудно не согласиться с его мнением о том, что «главной движущей силой кампании против вражеских подданных были не традиционные правые монархические или русские национальные организации и группы, а мощная кампания в печати и всенародное движение, привлекавшее в свои ряды видных сторонников из общественных кругов широкого политического спектра, от крайне правых до умеренных либералов». Однако в монографии отсутствует подробный анализ антигерманской кампании в прессе и работы общественных объединений, боровшихся с немецким засильем, в том числе «Общества 1914 года», наиболее известной антинемецкой общественной организации периода войны.

Проводя границу между собственно националистами и правыми, автор не дает достаточно дифференцированной картины консервативных политических группировок. Дело в том, что и среди правых, и среди националистов были те, кто имели иные, иногда диаметрально противоположные, взгляды на пути решения национальных проблем. Наконец, более пристального внимания заслуживали взгляды прогрессивных националистов – членов фракции националистов и умеренно-правых, покинувших ее, чтобы присоединиться к Прогрессивному блоку. Настаивая на необходимости национальной консолидации, они не поддерживали радикальных мер в отношении «вражеских подданных».

Лор далеко не всегда последователен в своих построениях. Сначала он отказывается видеть в грабежах причину московских погромов весны 1915 г. (с. 49), а в дальнейшем замечает, что «одним из ключевых моментов в майских погромах стала возможность разграбления складов спиртных напитков» (с. 56).

Присутствуют в работе и фактические неточности. Так, по мнению Лора, «партия русских националистов была более серьезной и массовой организацией, чем Союз русского народа или фракция правых Государственной Думы, и пользовалась более широкой и активной поддержкой населения» (с. 37). По данным Ю.И.Кирьянова, численность правых организаций в декабре 1916 г. составляла 45 тыс. человек². Между тем современные оценки численности Всероссийского национального союза даже в мирное время (в период войны численность политических партий существенно сократилась) на порядок меньше и колеблются от 2 до 5 тыс. человек³. К тому же в отличие от националистов в 1915 г. правые заметно активизировались и сумели провести два совещания в Нижнем Новгороде и Петербурге, важнейшей темой которых стала борьба с немецким засильем.

В целом книга Э. Лора дополняет работы российских историков И.Г. Соболева и Н.С. Андреевой, что лишний раз подчеркивает позитивную роль взаимодействия российских и американских историков⁴.

Примечания

¹ См., например: Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907 – 1917. New Brunswick, 1980; Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917. М., 2001. С. 82.

³ См., например: Правые партии. 1905 – 1917. М., 1998. Т.1; Коцюбинский Д.А. Указ. соч. С. 37.

⁴ Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.10.2012

**EXTERNAL ENEMY - INTERNAL ENEMY:
THE FIRST WORLD WAR AND RUSSIAN NATIONALISM**

A.V. Glushkov

"Promedia", Kuibyshevst., 93A, 71, 614010, Perm, Russia
alexhistd2@yandex.ru

The author reviews Russian translation of the book "Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I" written by the American historian E. Lohr (Translated by V. Makarov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012).

Key words: nationalism, germanophobia, the First World War.